

готового слова говорящий опирается на стандартные (ядерные, периферийные, ассоциативные) компоненты лексического значения, а в какой – на собственные, личностные знания (представления) об обозначаемом; во-вторых, выявить те когнитивные структуры, которые лежат в основе ремотивации и отражают типологически (концептуально) значимые предпочтения носителя языка (диалекта) в выражении определенного содержания («взгляда» на объект номинации, ракурса его видения); в-третьих, установить в рамках выделенных моделей НЭ-мотивации те прототипические черты, которые лежат в основе процессов первичного означивания и открывают «доступ» к исследованию мотивационного «механизма» в аспекте его концептуальной природы.

С. Ю. Дубровина
Тамбов

Народная этимология в лексике веры и церкви

В народном этимологизировании наиболее выразительно проявляются ассоциативно-деривационные отношения. В результате народной этимологии слово сохраняет свою словообразовательную соотнесенность с источником ассоциации, но «может подвергаться переосмыслению, а иногда и значительной семантической и формальной перестройке»⁵. Явление народной этимологии проявляется, в частности, при повседневном использовании христианской лексики.

Пример такой псевдоэтимологизации представляет история слова *мясопуст* в русском языке. Как известно, слово *carnevale* было калькировано из среднелатинского западными славянами: западная христианская традиция допускает употребление мяса во время периода, аналогичного русской Масленице. Проследив историю слова «мясопуст» у западных славян и русских (польск. *mięsopust*, чеш. *masopust*), Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев пришли к выводу, что «заимствуя данное слово со значением «Масленица», русские православные столкнулись с несоответствием внутренней формы и денотативной отнесенности: внутренняя форма указывала на дозволенность мяса, тогда как денотативная отнесенность предполагала период, в течение которого употребление мяса не позволялось. Неизбежно было переосмысление этого слова, причем переосмыслению могла подвергнуться денотативная отнесенность или внутренняя форма (и с нею сигнификативный компонент значения)»⁶. В итоге в русском языке была сохранена денотативная соотне-

⁵ Шмелев А. Д. Современный русский язык. Лексика: Учеб. пособие. М., 1977. С. 228.

⁶ Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. «Народная этимология»: морфология и картина мира // Славянские этюды: Сб. к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 111.

сенность с Масленицей, но переосмыслена внутренняя форма слова и с нею сигнификативный компонент значения. В результате общего переосмысления слова корень *пуст* стал связываться с *'пустой'*. Далес *мясопуст* естественно связывается с обозначением границы между мясоедом и его окончанием, и *-пуст-* «концептуализируется как прощание (*отпустить*)». «В дальнейшем, по аналогии со словом *мясопуст* (в этой последней интерпретации) образуется слово *сыропуст*, обозначающее день, когда происходит прощание с молочными продуктами. И наконец, слово *сыропуст* начинает употребляться расширительно – по отношению ко всей (сырной) неделе, в течение которой происходит прощание с молочными продуктами...»⁷.

Однако не всегда диалект принимает литературный вариант слова. Продолжается дальнейшее развитие ассоциативного ряда в говорах разных территориальных зон. Например, в тамбовских говорах нам встретилось слово *сырокапустная* (неделя), т. е. 'сыропустная', 'масляная', 'неделя перед началом Великого поста'. Название недели *сырокапустная* явно направлено на денотативное сближение со словом *капуста*, провоцируя языковую соотнесенность названия срока с «постным» периодом церковного года.

Проявления народной этимологии наблюдаются в разных идеографических сферах лексики. Множество ее образцов содержится, к примеру, в народном календаре. Так, название празднуемого по церковному календарю 2 мая по ст. ст. дня памяти равноапостольного царя Бориса Болгарского в народном календаре может приобрести разнообразные фонетические варианты вследствие ассоциативного сближения с другими словами. В словаре В. И. Даля приводится название *Барышдень* с пометой «кал.» и объяснением: «2 мая, кто в этот день продаст что-л. с барышом, весь год будет барышевать, почему и говорят: "На св. Бориса сам боронися, чтоб не обманули"» [Даль³ 1, 130].

Народная этимология обычна в кругу библейских имен, обозначающих «парные персонажи»: *Адам и Дева, Иван и Ева, Иван и Дева, Кузьмадемяна, Авел и Кавел*. В данном случае ономастическая трансформация связана с освоением фонетики библейских имен и доступностью имен для вовлечения их в процесс речевой коммуникации.

Стремление осмыслить новое, не вполне понятное слово проявляется и в среде людей, не знакомых с церковной службой и уставом. Современное восприятие литургических возгласов и призывов зачастую предполагает ассоциативный вариант воспринятой со слуха непонятной славянской фразы. Нам приходилось слышать вопросы типа: «Что такое

---

⁷ Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. «Народная этимология»: морфонология и картина мира. С. 111.

“пати-пати”?)» («Паки, паки Господу помолимся!» – призыв дьякона к ектении) или «не могу понять слова “Гомен!”» (речь шла о возгласе «Вонмем!» перед прочтением Евангелия). Такой ассоциативный вариант произношения можно назвать англизированным, близким духу английского арго сегодняшнего дня.

Народные объяснения заимствований чаще всего сводятся к желанию прогнозировать и раскрыть «правильный» смысл высказывания. Они способны субъективно выставить личную оценку в качестве универсального «народного знания», подкрепляя ее «научной» информацией: «*Нимф*. Нимб у святого – нимф, аура, светлый кружок, который называется нимб. Перевод на русский значит суший» (Бондар, с. Бондари, 1998 г.).

Процесс звукового сближения разных слов, ничего общего не имеющих по смыслу, тесно связан с возрастом и психологией конкретного носителя языка. Звуковая аттракция и притяжение созвучий часты в детской психологии, впитывающей жизнь эмпирически, наивно сближающей явления реального плана. Непревзойденные примеры такого рода дает нам русская литература. Остановимся на подходящем описании детских воспоминаний И. С. Шмелева. «...И еще – радостные слова: “чаю Воскресения мертвых!” Недавно я думал, что это там дают мертвым по воскресеньям чаю, и с булочками, как нам! Вот глупый! И еще нравится новое слово “целомудрие” – будто звон слышится. Другие это слова, не наши: Божьи это слова»⁸.

Народная психология так же, как и детская, свободно «подхватывает» фонетическую и эмоциональную общность разнотилевых и генетически различающихся слов и интегрирует их, что проявляется в фактах «наивной», или народной, этимологии.

Атеистическое мышление советского периода породило свои яркие образцы сближения возгласов литургии с привычными словами. Богатый материал для размышления на эту тему содержится в книге протоиерея М. Ардова⁹. В сельских храмах, где «даже на клиросах порой стоят вовсе неграмотные женщины», могли услышать *крокодила* вместо *кадило* («да исправится молитва моя, яко кадило пред тобою»); в поминальных записках писали «вновь приставленная» или «мною представленная» вместо «новопредставленная»; читали и пели «...обрати мя, и к свету заповедей Твоих пути моя направи, Маруся» (вместо «...обрати мя, и к свету заповедей Твоих пути моя направи, молюся»), «девицы, во Христа креститесь» (вместо «елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь...») и т. п.¹⁰

⁸ Шмелев И. С. *Лето Господне*. СПб.; М., 1996. С. 16.

⁹ Ардов М. *Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни*. М., 1995.

¹⁰ Там же. С. 128–137.

Яркие бытовые заметки М. Ардова показывают, что распространение подобных лингвистических «ляпсусов» не миновало среду и церковнослужителей. В книге приводится следующий казус, случившийся в одном городском храме на службе перед Рождеством: «Вместо того, чтобы прочесть: “Салафииль же роди Заровавеля”, диакон произнес: “Соловей же роди журавеля”»¹¹. Курьезным свидетельством совершенной отчужденности советского общества от церкви был бланк телеграммы, составленной однажды в Московском епархиальном управлении: «Вам надлежит прибыть для возведения в сан противеврея» (вместо «протоиерея») ¹². Ошибки в прочтении и народное этимологизирование церковнославянских фраз всегда были и остаются нередки в самых разных слоях общества – от чиновничьей канцелярии до старушек в храме и духовенства.

Исторический пример народной этимологии встретился нам в тамбовских архивных свидетельствах. Он показывает, насколько тесно искажение и «ложная мотивация» связаны с убеждениями человека, а тема народной этимологии имеет непосредственное отношение к психолингвистике. Приведем этот редкий исторический факт: «Томимые “духовною жаждою”, тамбовские обыватели самочинно и самоуверенно проявляли иногда свою рознь с господствующею церковию в самых курьезных и мелочных формах. Не так давно, лет 10 тому назад, не более, один пожилой тамбовский дьякон стал возглашать в церкви: “О вере, о вере!”... вместо: “двери, двери!”... Правильного возглашения он не понимал и не хотел понять. Но, подобно многим ограниченным людям, он был в своих выдумках стоек и, несмотря на замечания священника, упорно продолжал в церкви: о вере, о вере... потому что потом пели: “Верую во единого...” Это совпадение и сбilo его с толку. О. дьякона вызвали в консисторию, поручили его вниманию самого ученого консисторского члена, и только после продолжительных объяснений и увещаний строптивец смирился, а искренно или нет – его дело...»¹³.

Особое распространение приобретают переосмысления церковнославянских слов в народной певческой традиции. По нашим наблюдениям, наиболее известным церковным песнопением в крестьянской среде является рождественский тропарь, с которым связана святочная традиция «славить Христа». Многие слова тропаря переделываются по образцу близких по звучанию в родном диалекте, причем каждый информант находит свое, индивидуальное объяснение. Приведем для примера некоторые образцы таких ассоциативных сближений. (Справа приводится церковнославянский

¹¹ Ардов М. Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни. С. 128.

¹² Там же. С. 71.

¹³ Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С. 361–362.

текст тропаря; знак равенства означает ссылку на комментарий информантки.)

Рождественский тропарь

Рождество Твое Христе Божий наш
Во сиянии мира и свет разума
Небо и звездою служащий
И звездою чахаюсь
(= помогает звезда)
И Тебе *солнцем-правдой* кланяюсь
И Тебе *видим* с высоты Востока
Господи, слава Тебе!

Рождество Твое Христе Боже наш
Возсия мирови свет разума
В нем бо звездам служащий
звездою учаясь
Тебе кланяться, Солнцу правды
И Тебе ведети с высоты Востока
Господи, слава Тебе!

Рождественский кондак

Дева днесь *присуицим* нарождается
(= божиим людям)
И земля *преступным* (= это грешники)
приветным приносит (= а это божным,
которые в церкви слышат приветст-
вие)
Ангел нас с пастырем *слово словить*
Волга звездою путешествует
(= на небе звезда)
Наш Бог *роди* родися
У'трешный младшій
привечный Бох

Дева днесь Пресушественнаго раждает
И земля вертеп
неприступному приносит
Ангели с пастырьми славословят,
волсви же со звездою
путешествуют;
нас бо ради родися
Отроча младо,
превечный Бог.

(Записано в д. Тишининовка, Инж, у Е. П. Тришкиной, 1918 г. р.)

Ср. запись из Пичаевского р-на, с. Демьяновка, от Е. П. Фокиной, 1921 г. р.: «Рождество Твое *Христи*, Боже нас, *во сиянии* мира и свет разума, *небо* звездою *учахается* Тебе *кланится* Солнце-правда, *Тебя* *видим* с высоты Востока, Господи, слава Тебе!»

Как показывает сравнение различных записей рождественского тропаря, информанты более всего «спотыкаются» на малопонятных церковнославянских формах (форма обращения *Христе* заменяется на *Христи* (Пич), форма инфинитива *кланяться* на диал. *кланиться*), церковнославянизмы высокого стиля сменяются на народные словоформы (*возсия* и *во сиянии*; *учаюсь* и *чахаюсь*, *учахается*). Изобретаются живые фольклорные образы: «Солнце-правда», которое «кланяется», «звезда», которая «чахается», т. е. «помогает», и даже «утрешной младшой Бог» (вместо «Отроча младо»). Абстрактные понятия заменяются на реальные и выражаются активными глаголами: (мы) «тебе (т. е. диал. южнорусское «тебя», вин. п. ед. ч.) видим с высоты Востока» вместо ц.-слав. «тебе ведети». Присутствуют повторы, обычные в народно-поэтическом творчестве: *роди родися*.

Подобную же народную мотивацию словоформы встречаем в рассказе о Вербном воскресенье: «И они кричали: “Благословены гряды во имя Господне!”» (записано в с. Липовка, Пич, 2001 г.). Слово *грядый* (*гряды-и*) теряет свою субстантивность и обезличивается, превращаясь в прилагательное. В итоге возглас «благословен!», относящийся к самому Христу, понимается как относящийся к неким людям, следующим за Ним, которые «благословенны», потому что «гряды во имя Господне».

Случайные сближения могут коснуться и вполне понятных, русских слов, если они произносятся с эмфазией – «выделением важной в смысловом отношении части высказывания, обеспечивающим экспрессивность речи»¹⁴. Ср. в духовном стихе «Распятие Христа»: «Стоит она [мать Мария] со ридами, ридами (т. е. «со рыданьем») И плачет все со слезами, со слезами»¹⁵. Возбужденный тон и взволнованность исполнения направлены на передачу реальности и непосредственности события.

Изучая пасхальный тропарь «Христос воскрес», И. Б. Теплова отмечает особые народные формы музыкального бытования тропаря в сельской традиции. Среди них: деревенский напев на долгий голос, преодоление «псалмодичности» церковного напева, «календарная» направленность интонации. Пасхальные распевы обнаруживают своеобразную народную этимологию: «живой даровой» вместо «живот даровав», самостоятельные фрагменты текстов («Зароди, Бог, хлеба на многое лето») и другие жанровые особенности. И. Б. Теплова делает вывод об «изначальном существовании общего интонационно-семантического фонда, получившего самостоятельные формы в устной и письменной традиции»¹⁶.

*А. А. Кожина
Минск*

Об одном народно-этимологическом прочтении в церковно-славянском тексте Книги Екклесиаста

В тексте Книги Екклесиаста, являющейся частью Острожской Библии, изданной Иваном Федоровым, можно обнаружить несколько фрагментов, которые по своему лексическому составу отличаются от соответствующих в других славянских Библиях. В частности, это фрагмент семнадцатого стиха седьмой главы. У Ивана Федорова читаем следующее:

¹⁴ Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е (репринтное) изд. «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г. М., 1998. С. 592.

¹⁵ Новиков Ю. А. Духовные стихи русских старожилов Литвы // Живая старина. 1994. № 3. С. 36.

¹⁶ Теплова И. Б. Распев пасхального тропаря «Христос воскрес» в крестьянской традиции северо-западных областей России // Православие и культура этноса. Междунар. науч. симпоз. 9–13 октября 2000 г.: Тез. докл. М., 2000. С. 63.